

ныхъ преобразованій (III, 1—2), какъ будто формы общественной жизни безразличны по отношенію къ существеннымъ интересамъ индивидуальнаго бытія, требующимъ удовлетворенія. Какое капитальное значеніе имѣетъ этотъ пунктъ во всей исторической философіи «Войны и мира»—мы еще увидимъ.

Мы привели выше три мѣста изъ «Войны и мира», въ которыхъ выражена основная концепція всего произведенія: это—мысль о двойственности человѣческой жизни. Въ этой концепціи мы обнаружили существенный пробѣлъ: гр. Толстой игнорируетъ соціологическую сторону исторіи, «всевозможныя преобразованія», какъ онъ выражается, которыя будто бы безразличны для «настоящей» жизни. Во второмъ изъ приведенныхъ мѣстъ, выражающихъ общую концепцію «Войны и мира», сказано, что упомянутая двойственность существуетъ въ жизни *каждаго* человѣка. Не даромъ поэтому гр. Толстой заставляетъ принимать участіе въ историческихъ событіяхъ лица, созданныя его творческой фантазіей, и вводитъ въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ, въ одинъ человѣческій ростъ съ ними, чисто историческія фигуры: участіе въ исторіи не есть привилегія однихъ героев. двойственность жизни присуща каждому человѣку. На этомъ гр. Толстой даже особенно настаиваетъ. «До тѣхъ поръ,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ разсужденій,—до тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ,—будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры,—а не исторіи *всѣхъ*, безъ одного исключенія, всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія о силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли» (VI, 243). Отвѣчая на вопросъ объ этой силѣ, онъ находитъ, что «движе-